

Александр Гарцев

Короткометражка

Александр Гарцев
Короткометражка

«Автор»

2026

Гарцев А.

Короткометражка / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новая романтическая трагикомедия известного сетевого писателя Александра Гарцева - это история о двух друзьях, о глупом споре, о том, как не надо искать любовь по инструкции, а надо просто быть собой — даже если ты прыщавый, нескладный, в бабушкиных очках и со сгоревшим диодом в душе. Потому что диод можно починить. А душу — только любовью.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ботаник с Василеостровской	5
Глава 2. Теория прыщепада	9
Глава 3. Салон «Империял» и массажист Владик	13
Глава 4. Искусственный загар и морковная диета	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Гарцев

Короткометражка

Глава 1. Ботаник с Василеостровской

Комната Коли Стеклова на пятнадцатом этаже панельной башни на улице Кораблестроителей пахла канифолью, старой пылью и отчаянием. Отчаяние, впрочем, было не настоящим, метафизическим, а скорее бытовым — оно исходило от стопки немытой посуды на системном блоке и майки, висящей на абажуре уже третью неделю.

Николай, двадцати двух лет от роду, роста сто семьдесят пять сантиметров, веса шестьдесят два килограмма (в мокром виде и с энциклопедией), сидел за столом и паял что-то невообразимое. Транзисторы, микросхемы и кусачки образовывали хаотичный пейзаж, напоминающий карту боевых действий после артобстрела. На Коле были шерстяные носки с оленями (бабушка связала, куда деваться), клетчатые штаны, которые носили ещё в девяносто девятом все, кто хотел казаться модным, но безнадежно опоздали, и тот самый свитер.

О, этот свитер заслуживал отдельной главы. Или даже диссертации. Толстый, серый, с высоким воротом, местами заштопанный, он пережил перестройку, дефолт, двух президентов и трех котов. Свитер был настолько бабушкиным, что, надевая его, Коля мысленно слышал голос Варвары Сергеевны: «Не смей стирать в машине, положи в тазик с кондиционером, бес-тоlochь». Он, разумеется, стирал в машине.

А на носу его покоились те самые очки. Пластмассовая оправа цвета «унылый беж», которая была в моде где-то в 1987 году, когда её покупали для Варвары Сергеевны, потому что у неё «глаза устают от чертежей». С тех пор оправа смотрела на мир сквозь трещинку на левой дужке, замотанную синей изолентой. Это был стиль. Стиль «Пофиг».

И прыщи. Многочисленные, разнокалиберные, расположенные стратегически на лбу, подбородке и левой щеке. Они напоминали карту звёздного неба, где каждая звезда была колонией золотистого стафилококка. Коля лечил их чистотелом, болтушкой из аптеки и молитвами. Ничего не помогало.

— Готово, — прошептал он и отложил паяльник.

Собранное устройство представляло собой нечто среднее между детектором лжи и лампой настроения. Когда Коля подносил к нему руку, загорался синий светодиод. Если он думал о чём-то грустном — светодиод моргал красным. Сейчас он думал об экзамене по функциональному анализу, и красный горел ровно.

— Дай угадаю, ты спаял прибор для измерения собственной тоски? — раздался голос от двери.

Коля подпрыгнул. Паяльник выпал из руки и прожиг новую дыру в клеёнке.

— Тёма? Ты как... ты почему не позвонил?

Артемий Радужный стоял на пороге комнаты, как с картинки чужой, более прекрасной жизни. На нём были белые кроссовки с синими полосками (последний писк, таких в Петербурге было три пары), узкие чёрные джинсы, стоившие как полстипендии Коли, и оливковая парка, по виду неубиваемая, на самом деле из коллекции малоизвестного датского бренда, о котором Коля узнал бы, если бы выходил из дома чаще раза в неделю.

Тёма был улыбчив, свеж, от него пахло дорогим кофе, сандалом и лёгким презрением ко всему, что дешевле двух тысяч рублей за единицу товара. Волосы его были уложены в сложную конструкцию, похожую на бунтующий вьюнок, но бунт был строго дозированным, как гомеопатическое лекарство.

— Зачем звонить, если можно войти, — Тёма изящно обошёл стопку книг и плюхнулся на кровать. — Бабуля открыла. Сказала: «Николай в своей норе снова портит воздух». Как жизнь, брат?

— Нормально, — Коля машинально поправил очки. — Вот, датчик настроения собрал.

— Датчик? — Тёма взял устройство, повертел. — Синий — это хорошее настроение?

— Синий — это нейтральное. Красный — грусть. Жёлтый — радость, но жёлтый диод сгорел, так что радость не фиксируется.

— Жестоко, — Тёма покачал головой. — Даже твоя электроника знает, что радоваться тебе нечему.

Он отложил датчик и пристально посмотрел на Колю. Очень пристально. С прищуром. Так смотрят врачи-хирурги перед сложной ампутацией.

— Что? — Коля покраснел. Прыщи на покрасневшей коже стали похожи на вишни в супе.

— Слушай, Колян. Мы с тобой вместе с садика. Двадцать лет. Я тебя люблю, ты меня терпишь. Но посмотри на себя.

— Я и так смотрю. В зеркало иногда.

— Ты на улицу выходил на этой неделе?

— Я вчера выходил, в магазин за гречкой. И в универ. Там тоже улица, между корпусами.

— Прыщи, — Тёма загнул палец. — Очки. — Загнул второй. — Свитер, достойный погребения вместе с фараоном. — Третий палец. — И полное отсутствие женского внимания.

— Я не замечал, — соврал Коля. Он замечал. Каждый день. Каждый раз, когда в коридоре универа мимо проходила девушка и смотрела сквозь него, как сквозь витрину закрытого магазина.

— Не замечал он, — Тёма встал и прошёлся по комнате, как генерал перед строем. — Коля. Нам сколько?

— Двадцать два.

— Двадцать два! В этом возрасте нормальные люди уже успевают разбить пару сердец, наделать глупостей и получить пару шрамов на душе. А ты? У тебя был роман с паяльником и с гречкой. Бабушка сказала, ты в прошлом месяце приглашал девушку из потока на чай. Она пришла?

— Пришла, — буркнул Коля.

— И?

— И увидела мой свитер. Спросила, это я на рыбалку собираюсь. Потом увидела датчик настроения. Сказала, что это кринж. Ушла через двенадцать минут, даже гречку не доела.

Тёма схватился за голову. В его исполнении этот жест выглядел театрально и красиво, как в немецком экспрессионистском кино.

— Коля. Друг. Ты понимаешь, что мы на грани точки невозврата? Ещё год, и ты будешь тот чудак, который сидит в своей берлоге с платами и вяжет варежки крючком на старости лет.

— Я не умею вязать крючком.

— Научишься. От безнадёги.

Коля вздохнул. Красный светодиод на датчике замигал.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, — Тёма подошёл вплотную и положил руку на плечо другу, — Операцию. Полную перезагрузку. Ты будешь не просто Колей. Ты будешь Колей версией 2.0. С новым интерфейсом, обновлённой прошивкой и привлекательным дизайном. Понял аналогию, техник?

— Понял. Но я как-то привык к версии 1.0.

— Привык? Ты прыщавый, нескладный, носишь очки покойного дедушки, которого у тебя никогда не было, потому что это очки бабушки, и у тебя даже радости в электронном виде нет, потому что жёлтый диод сгорел! Тебе не привыкать надо, тебя лечить!

Коля молчал. Он посмотрел на свои руки. Тонкие, бледные пальцы, следы от ожогов паяльником, под ногтями — флюс. Такие руки годятся только для того, чтобы делать лабораторные работы и собирать приборы, которые никому не нужны. Даже ему самому, по правде говоря, не очень нужны.

А потом он вспомнил Еву. Эту девушку-курьера в пуховике, которую иногда видел из окна автобуса. Как она сидит на лавочке у дома, жуёт яблоко и читает книгу. Как однажды она посмотрела на него — мельком, равнодушно, но он тогда почему-то подумал: «А вдруг?» Потом он, конечно, подумал: «Куда тебе, Стеклов. Ты даже паяльник не можешь удержать в руках, когда на тебя смотрят».

— Ладно, — сказал Коля. — Что за операция?

Тёма улыбнулся. Улыбка его была широкая, предвкушающая, похожая на оскал кота, который нашёл мышку, но не хочет есть, а хочет сначала поиграть.

— Операция называется «Дефлорация счастливого детства». Название рабочее, я ещё думаю над брендингом. Начнём с малого. Завтра в девять утра. Ты, я и салон красоты.

— Салон? — Коля поперхнулся воздухом. — Я в жизни в салоне не был.

— Заметно. Поэтому идём. Будут кремы, массажи, баночки, скляночки. Твои прыщи исчезнут, как сон, как дым, как последняя надежда старости на что-то хорошее.

— А если не исчезнут?

— Исчезнут, — Тёма достал телефон, пролистал контакты, ткнул пальцем. — Владик, привет. Это Тёма. Да, тот самый. Слушай, есть клиент. Тяжёлый случай. Завтра в девять? Спасибо, красавчик. Да, кофе привезу.

Он убрал телефон.

— Всё, решено. И не вздумай отмазываться.

Коля открыл рот, чтобы сказать что-то вроде «а давай через неделю» или «у меня лабу сдавать», но не успел. В дверь заглянула бабушка Варвара Сергеевна — маленькая, сухонькая, в халате, с идеально ровной спиной, которую не согнули даже семьдесят восемь лет жизни.

— Николай, — сказала она ледяным тоном профессора сопромата, ставящим в ступор третьекурсников. — Твой друг прав. Хватит киснуть. Я, знаешь, в твои годы такие жеребцы вокруг меня ходили, что ноги подкашивались. А ты даже с девушкой поговорить нормально не можешь. Иди, приведи себя в порядок. Хотя бы прыщи убери, смотреть тошно.

— Бабуль, — простонал Коля.

— Никаких «бабуль». Варвара Сергеевна для тебя, если ты так бездарно прожигаешь молодость. И сними этот свитер. Он уже пережил трёх котов. Коты были хорошие, но свитер пора на тряпки.

Тёма заржал. Коля снял свитер и остался в майке. Красный диод на датчике настроения загорелся с максимальной яркостью.

— Завтра в девять, — повторил Тёма и хлопнул друга по плечу. — Ты ещё спасибо мне скажешь.

Он вышел из комнаты. Из коридора донеслось прощальное: «Варвара Сергеевна, вы богиня!»

Бабушка крякнула, поправила очки — те самые, точно такие же, как у Коли, только без изоленты — и вышла.

Коля остался один. Перед ним лежал паяльник, допаянная схема мигала красным. Он посмотрел на отражение в тёмном экране телефона. Прыщи, очки, худые плечи.

— Ну и зачем всё это? — спросил он у тишины.

Тишина не ответила. Только ливень за окном на Васильевском острове начал свою вечную петербургскую песню — монотонную, холодную и такую привычную, что от неё хотелось зарыться в бабушкин свитер и никогда не вылезать.

Но завтра в девять его ждал Владик. И операция «Дефлорация». И жизнь, которая, кажется, собиралась переехать Колю Стеклова асфальтовым катком, а потом, возможно, ещё раз — задним ходом.

Глава 2. Теория прыщепеда

— Я не пойду.

— Пойдёшь.

— Не пойду. Даже не уговаривай.

— А я и не уговариваю. Я констатирую факт. Ты пойдёшь, потому что через два часа у меня забронирован вип-кабинет у лучшего косметолога в этом районе, а отмена брони стоит три тысячи рублей. Ты хочешь, чтобы я выкинул три тысячи на ветер?

— Хочу, — честно сказал Коля. — Ты богатый, выкинешь.

Этот диалог происходил в девять утра на кухне квартиры Стекловых. Коля сидел за столом, упершись подбородком в сложенные руки, и смотрел на тарелку с овсяной кашей, которую бабушка поставила перед ним с комментарием: «Ешь, кожа будет лучше». Каша была без соли, без сахара, без масла, потому что Варвара Сергеевна верила в диетическое очищение организма, а не во вкус.

Тёма сидел напротив, пил свой матча-латте из термокружки (принёс с собой, потому что у Стекловых «жидкий пойло, а не кофе») и строил планы.

— Три тысячи — не деньги, — отмахнулся Тёма. — А вот твоя гордость и непоколебимость — это проблема. Коля, ты понимаешь, что прыщи — это не просто так? Это симптом. Симptom твоего внутреннего состояния.

— Моё внутреннее состояние — это глубокое философское принятие бытия, — буркнул Коля, зачерпывая кашу. — И вообще, я читал статью. Акне — это генетическая предрасположенность и гормональные скачки. Никакой психосоматики.

— Генетическая предрасположенность? — Тёма закатил глаза. — Ты посмотри на свою бабушку. У неё кожа как у персика в семьдесят восемь. А у тебя — как у подростка, который решил, что умываться необязательно.

Варвара Сергеевна, которая как раз вошла с чайником, подтвердила:

— У меня в молодости ни одного прыща не было. И ты, Николай, в детстве был чистенький. А потом как пошёл в девятый класс, как началось. Это всё от недостатка свежего воздуха и от постоянного сидения за компьютером.

— Я за транзисторами сижу, — возразил Коля. — Это разные вещи.

— Транзисторы — свежий воздух не заменят, — отрезала бабушка и вышла, оставив за собой запах нафталина и непреклонности.

Тёма посмотрел на друга с сочувствием, которое на девяносто процентов состояло из любопытства и на десять — из желания поставить галочку «помог ближнему».

— Слушай. Давай без драмы. Один сеанс. Ты приходишь, Владик смотрит на тебя, мажет какой-то химией, ты уходишь. Если не понравится, больше не пойдём.

— А если понравится?

— Тогда пойдём ещё. И ещё. И через месяц у тебя будет кожа как у младенца. Договорились?

Коля задумался. Овсяная каша застревала в горле. Он вспомнил ту девушку из потока, которая назвала его свитер рыбацким. Вспомнил, как они смотрели на его прыщи — не она одна, многие. Смотрели и отводили взгляд, как будто он был прокажённым. Или как будто прыщи заразные.

— Ладно, — выдавил он. — Но я ничего не обещаю.

— Ура! — Тёма подпрыгнул на стуле. — Собирайся. Через сорок минут выезжаем.

— Мне собираться? Я уже собран. Могу хоть сейчас.

— В этом? — Тёма обвёл рукой Колю: майка с надписью «Я люблю математику» (надпись выцвела и читалась как «Я лю мат»), треники с пузырями на коленях, носки с оленями.

— А что не так?

— Всё не так. Надень что-нибудь приличное.

— Это приличное. В нём я даже на лекции хожу.

— Вот поэтому ты и один. Надень джинсы. Те, что я тебе подарил на прошлый день рождения.

Коля вздохнул и поплёлся в комнату. Джинсы — узкие, чёрные, страшные для него, потому что они не скрывали его худобы — висели в шкафу с биркой. Новые, не ношенные. Он надел их. Потом снял. Потом надел снова. Посмотрел на себя в зеркало. Ноги как спички, джинсы болтаются.

— Так и знал, — сказал он сам себе.

В этот момент в дверь позвонили. Бабушка пошла открывать.

— Вам кого? — услышал Коля её голос из коридора.

— Здравствуйте, а Тёма здесь? Я Лисса.

Коля выглянул из комнаты. На пороге стояла девушка. Высокая, длинноногая, в коротком платье, несмотря на петербургский май, холодный и сырой. У неё были волосы цвета «пепельный блонд», стрелки на глазах, стреляющие в обе стороны, и губы, накрашенные так ярко, что они казались отдельным органом чувств.

Это была Лисса.

— А, привет, — Тёма вышел из кухни, чмокнул её в щёку. — Быстро ты.

— Да я тут рядом была, у бывшего ночевала, — беспечно бросила Лисса и перевела взгляд на Колю. — А это тот самый?

— Тот самый. Знакомься, Коля. Это Лиза. Но все зовут Лисса. Она нам поможет.

— Поможет с чем? — Коля попятился.

— С твоей трансформацией, конечно, — Лисса окинула его оценивающим взглядом. Как окидывают, например, старый диван, который ещё может пригодиться на даче. — Тёма рассказывал. Слушай, ну у тебя и вид. Прямо сюжет для документалки про вымирающие виды.

— Спасибо, — машинально сказал Коля.

— Это не комплимент, но ты не обижайся. Всё поправимо. Я уже созвонилась со своим стилистом. И с косметологом.

— Косметолог у нас в десять, — напомнил Тёма.

— Да, я помню. Я просто пришла посмотреть. И заодно отвлечься от Эдика. Этот козёл опять забыл про наш вечер.

— Эдик — это бывший? — уточнил Коля, который никак не мог войти в этот быстрый поток имён и событий.

— Один из, — махнула рукой Лисса. — Не важно. Тёма, поехали, а то опоздаем. Коля, одевайся. И сними эти носки. Серьёзно. У тебя есть нормальные носки?

— У меня есть чёрные.

— Носи чёрные. Олени — это мило, но только если тебе пять лет.

Коля, чувствуя себя вороной, которую ощипывают перья за пером, пошёл менять носки.

Через полчаса они втроём сидели в такси. Лисса спереди, листовая лента Мах. Тёма и Коля сзади. Коля смотрел в окно на знакомый с детства Васильевский остров: сталинские дома, чахлые деревья, бесконечный ремонт дорог. Ему казалось, что он едет на казнь. Или на операцию. Что, в общем, одно и то же.

— Не дёргайся, — шепнул Тёма. — Всё будет больно, но быстро.

— Ты издеваешься?

— Немного.

Салон красоты назывался «Империал». Вывеска золотыми буквами, внутри — кожаные кресла, запах эфирных масел и тихая музыка, похожая на звуки, которые издаёт аппарат искус-

ственного дыхания. Коля сразу почувствовал себя лишним. Как на концерте симфонической музыки, когда ты в рваных джинсах и с банкой пива.

— Ждите здесь, — сказала девушка-администратор с идеальным маникюром. — Владик вас позовёт.

Они уселись в кресла. Коля взял глянцевого журнала, открыл на середине, увидел фото мужчины с идеальной кожей и закрыл. Лисса листала сторис, периодически хмыкала.

— Слушай, Коля, — сказала она, не отрываясь от телефона. — Ты когда-нибудь целовался?

Коля покраснел так сильно, что даже прыщи стали незаметны на общем фоне.

— Это обязательно обсуждать?

— Просто интересно. Я же вижу, что нет. У тебя взгляд такой... нецелованный.

— Какой взгляд? — Коля подозрительно посмотрел на Лиссу. — У взгляда нет статуса.

— Есть. Тёма, подтверди.

— Подтверждаю, — кивнул Тёма. — У него взгляд девственника. Обиженный и любопытный одновременно.

— Я не обиженный, — возразил Коля. — Я сосредоточенный. На науку.

— Науку целовать не надо, — вздохнула Лисса. — Ладно, это дело поправимое. Главное — сначала убрать прыщи. Целоваться с такой кожей — это как наждачной бумагой.

В этот момент дверь открылась.

— Артемий, дорогой! — раздался голос, похожий на масло, которое льют на сковородку. — А это ваш пациент? О боже.

В дверях стоял мужчина лет тридцати пяти, с усами, которые могли бы служить отдельной достопримечательностью Петербурга. Усы были густые, подкрученные, цвета воронова крыла, и они росли так, будто собирались покинуть лицо хозяина и начать свою независимую жизнь. Сам Владик был гладко выбрит (кроме усов), в белом халате, и от него пахло чем-то химическим, но приятным — как от хорошего пластилина.

— О боже, — повторил Владик, подходя к Коле и беря его за подбородок двумя пальцами. Он повернул голову Коли влево, потом вправо. — Какая запущенность. Какая красота запущенности. Вы знаете, Николай, ваша кожа — это арт-объект. Каждый прыщ — это маленький бунт против общества потребления.

— Я не бунтую, — пробормотал Коля, чувствуя себя музейным экспонатом.

— Бунтуете, ещё как. Но ничего. Мы всё исправим. Проходите в кабинет.

Коля покорно встал и, бросив тоскливый взгляд на Тёму (который в ответ показал большой палец), отправился навстречу своей судьбе.

Кабинет был белым, как операционная, и таким же пугающим. Коля лёг на кушетку, и Владик начал колдовать: кремы, маски, какие-то приборы, которые гудели и щёлкали, как навигационная система старого самолёта.

— Расслабьтесь, — мурлыкал Владик. — Подумайте о чём-нибудь приятном. О море. О космосе. О теореме Ферма.

— Вы знаете теорему Ферма? — удивился Коля.

— Конечно. Я кандидат физико-математических наук. Ушёл в косметологию в тридцать три, когда понял, что математика не кормит, а лицо — кормит. И знаете, Николай, между квантовой физикой и кожей больше общего, чем вы думаете.

— Да ну?

— Представьте себе. Электроны прыгают с орбиты на орбиту — это как ваши прыщи. Они появляются, исчезают, переходят в другое состояние. А наша задача — стабилизировать систему. Я сейчас наносу на вас состав с ретиноидами. Это как сильный ядерный синтез. Лицо будет гореть, краснеть, но потом — чистота и порядок.

Коля слушал и почти успокоился. Почти. Потому что через тридцать секунд лицо действительно начало гореть. Как будто на него положили утюг.

— Ай, — сказал он.

— Терпите. Наука требует жертв.

— Какая наука? Вы сами сказали, что ушли из науки.

— Косметология — тоже наука. Наука о том, как сделать из кусмыша принца.

Процесс длился час. Коля лежал, закрыв глаза, и представлял свою кожу в виде поля битвы. На этом поле шли ожесточённые бои между кремами и бактериями. Побеждали кремы. По крайней мере, боль постепенно утихала.

— Всё, — сказал Владик, снимая перчатки. — Можете посмотреть.

Коля подошёл к зеркалу. Его лицо было... красным. Алым. Мокрым. И блестело так, будто его намазали рыбьим жиром и лаком одновременно. Прыщи никуда не делись, но они стали меньше и как будто пристыженными.

— Это только первый сеанс, — пояснил Владик. — Через неделю повторим. И так раз пять. К концу курса вы не узнаете себя. А теперь — вон. У меня запись.

Коля вышел из кабинета в приёмную, где Тёма и Лисса пили кофе из пластиковых стаканчиков.

— Ну как? — спросил Тёма, поднимая голову.

— Посмотрите, — Коля развёл руками.

Лисса присвистнула.

— Вау. Ты похож на пришельца. Красного, блестящего пришельца, которого засосало в портал.

— Спасибо, — в который раз за сегодня сказал Коля. — Я польщён.

— Это не комплимент, — напомнила Лисса.

— Я помню.

Они вышли из салона. На улице моросил дождь, типичный петербургский — не сильный, но такой, который пробирает до костей. Коля поднял лицо вверх. Капли падали на горящую кожу и шипели — по крайней мере, ему так казалось.

— Ну что, боец, — Тёма обнял его за плечи. — Первый шаг сделан. Осталось ещё сто. И ты станешь человеком.

— А кто я сейчас?

— Сейчас ты — материал. Сырьё. Но мы тебя обработаем. Станешь конфеткой.

— Я не хочу быть конфеткой.

— А кем ты хочешь быть?

Коля промолчал. Он посмотрел на проспект, на мокрые тротуары, на людей, которые куда-то бежали в своих куртках и зонтах. Где-то среди них была та девушка. Девушка-курьер в пуховике. Которая сидела на лавочке и читала книги. Которая никуда не бежала.

«А что, если я смогу?» — подумал Коля. И тут же одёрнул себя: «Смогу что? Быть собой? Или быть кем-то другим?»

Он так и не ответил.

Дождь усилился.

Глава 3. Салон «Империял» и массажист Владик

Середина мая. Петербург. Василеостровский район. Улица Нахимова, дом 7, салон красоты «Империял». Время — десять утра, но за окнами такая густая облачность, будто кто-то накрыл город мокрым одеялом. Дождь не идёт, но воздух настолько влажный, что кажется: сделай шаг — и утонешь. Часы на смартфоне Коли показывают +7 градусов, хотя по календарю почти лето. Петербургская весна — лучшая реклама осени.

Интерьер салона напоминал Коле операционную, если бы операционные оформляли дизайнеры, которым заплатили много денег и сказали: «Сделайте красиво, но чтобы и стерильно, и чтобы пахло деньгами». Стены цвета слоновой кости, на полу — плитка под мрамор, в углу — кофемашина, которую Коля видел только в рекламе «Делонги». На журнальном столике вместо глянца лежал каталог «Косметология 2.0 — Взгляд в будущее» и почему-то книга стихов Бродского. Коля пролистал — открылось на «Ниоткуда с любовью». Подумал: «Иронично».

Владик сегодня был в чёрной водолазке и белых брюках. Усы подкручены с особой тщательностью — они торчали в стороны, как антенны спутниковой тарелки.

— Николай, раздевайтесь до пояса, — скомандовал он, хлопая в ладоши. — Сегодня будем работать комплексно. Не только лицо, но и зона декольте. Вы, я смотрю, сутулитесь. Это даёт застои в лимфотоке. А застои — это прыщи. Теория всего проста: всё, что застаивается, начинает гнить. И в жизни, и на лице.

— Вы философ, — заметил Коля, стягивая свитер (сегодня он надел тот самый, бабушкин — назло Тёме, который остался в приёмной с Лиссой).

— Я реалист. Ложитесь.

Коля лёг на кушетку, покрытую одноразовой простыней, шуршащей как фантик от конфеты. Сверху зажёгся яркий свет, и он зажмурился. В динамиках играла музыка — что-то электронное, с ритмом, похожим на сердцебиение загнанного зверька.

— Итак, — Владик надел перчатки и начал водить по лицу Коли какой-то палочкой с насадкой. — Как прошла неделя? Кожа привыкала к ретиноидам? Шелушилась?

— Как берёза весной, — признался Коля. — Я на лекции сидел, а с меня сыпалось. Сосед по парте спросил, не перхоть ли это.

— Прекрасно. Это отмирают старые клетки. Как старый мир отмирает под натиском нового. У вас, я смотрю, склонность к рефлексии?

— Есть немного.

— Это хорошо. Рефлексирующие люди лучше переносят боль. А боль будет.

Владик достал аппарат, похожий на маленький пылесос, и приставил к щеке Коли. Тот дёрнулся.

— Что это?

— Ультразвуковая чистка. Выковыриваем чёрные точки. Не бойтесь, я аккуратно.

Аппарат загудел, и Коля почувствовал, как что-то высасывают из его пор с противным звуком, похожим на чавканье. Больно не было, но ощущение было такое, будто по лицу ползает холодная улитка.

— Вы на самом деле кандидат наук? — спросил Коля, чтобы отвлечься.

— Кандидат. Защитился в двадцать шесть по кафедре математической физики. Специализация — теория струн. А вы, я смотрю, на матмехе?

— Угу. Третий курс. Дискретная математика.

— Прекрасный предмет. Дискретность — это про нас, кстати. — Владик отставил аппарат и начал втирать в лицо Коли что-то холодное и пахучее. — Вот вы, Николай, дискретны. Прыщи — это такие дискретные точки воспаления. Их можно посчитать, локализовать, уда-

лить. А вот, например, Тёма — он непрерывен. У него гладкая функция, ни одного разрыва. Везде дифференцируем.

— Вы Тёму тоже обрабатывали?

— А как же. Тёма — мой постоянный клиент. Он приходит раз в месяц на поддерживающую терапию. Без неё его кожа тоже, знаете, бунтует. Просто бунтует тихо, внутри. А ваша — громко.

Владик переключился на подбородок. Коля лежал с закрытыми глазами и думал о теории струн. Он представлял, что его прыщи — это калибровочные бозоны, которые отвечают за взаимодействие его лица с окружающей средой. Взаимодействие, прямо скажем, было слабым. Как слабое ядерное. Только ядерное хоть как-то склеивает кварки, а его лицо никого не склеивало, только отталкивало.

— А вы не жалеете, что ушли из науки? — спросил он.

Владик замер. Пауза затянулась на целых пять секунд — в мире, где всё происходит быстро, это вечность.

— Жалею, — наконец сказал он тихо. — Иногда. Когда вижу молодых аспирантов, которые корпят над формулами. Но потом я смотрю на их лица. У них такие же прыщи, как у вас, Николай. И они не могут позволить себе мой крем. Потому что мой крем стоит половины их стипендии. А я могу. И это, знаете, такая ирония. Лечить тех, кто не смог стать тобой.

— Глубоко, — сказал Коля.

— Не умничайте. А теперь поверните голову налево.

Коля повернулся. Владик принялся за правую щеку, комментируя каждый прыщ:

— А вот этот красавец — созревший. Мы его сейчас аккуратно, пинцетом. Не дёргайтесь.

Это как в математике: чтобы решить задачу, иногда нужно убрать лишнее.

Пинцет щипнул, Коля пискнул.

— Терпите. Вы же мужчина. Или вы уже не уверены?

— Я уверен, — буркнул Коля.

— Вот и славно. Мужчины с чистой кожей нравятся женщинам на тридцать процентов больше. Это статистика. Я проводил исследование.

— На себе?

— На клиентах. Вы будете следующей точкой данных.

Процедура продолжалась ещё полчаса. Владик нанёс маску — холодную, вязкую, пахнущую огурцом и почему-то бензином — и оставил Колю одного под лампой. Музыка сменилась на что-то джазовое. Коля почти задремал.

Ему приснилось, что он идёт по набережной Невы, и у него нет прыщей. Он в красивой куртке, без очков (но видит всё идеально, как во сне). Навстречу идёт девушка. Не та, из потока. Другая. В пуховике, с книгой. Она улыбается ему и говорит: «Привет, Коля. Давно тебя не было видно». А он отвечает: «Я был здесь. Всё время здесь. Просто вы не замечали».

И тут будильник на телефоне заиграл «В пещере горного короля». Коля проснулся. Маска уже застыла коркой, и когда он улыбнулся, она треснула.

— Отлично, — Владик помог снять маску, протёр лицо тоником. — Смотрите.

Коля сел, подошёл к зеркалу. Кожа была... чище. Не идеально, но заметно. Прыщи уменьшились до размеров маленьких холмиков, а не вулканов. Краснота спала. Он даже почти понравился себе.

— Ну как? — спросил Владик, стоя за спиной.

— Вроде... ничего, — осторожно сказал Коля.

— «Ничего» — это комплимент из ваших уст. Я запоминаю. Приходите через неделю. И не забывайте увлажнять кожу утром и вечером. Крем я дал Тёме.

— Спасибо.

Коля оделся, поправил очки (изолента блеснула в свете ламп) и вышел в приёмную.

Тёма и Лисса о чём-то оживлённо спорили. Лисса утверждала, что «Эдик — мудак, но талантливый мудак», а Тёма возражал: «Мудак он и в Африке мудак». Увидев Колю, они замолчали.

— Ну, — сказал Тёма. — Покажи.

Коля пожал плечами.

— Да ничего особенного. Просто лицо.

— Просто лицо, — эхом повторила Лисса. — Тёма, глянь. Он стал похож на человека. Ещё два сеанса — и он будет краш.

— Я не хочу быть крашем, — напомнил Коля. — Я хочу быть...

— Кем? — спросил Тёма.

Коля задумался. Хотел сказать «собой», но понял, что звучит пафосно. Хотел сказать «счастливым», но это ещё более пафосно. Поэтому сказал:

— Я хочу, чтобы меня не боялись.

— Тебя не боялись, — усмехнулась Лисса. — Тебя жалели. Это хуже.

Они вышли на улицу. Дождь, наконец, пошёл — настоящий, осенний, хотя на дворе был май. Коля поднял воротник свитера (бабушкин свитер пах дождём и теплом) и подумал: «А ведь они правы. Меня жалеют. Даже я себя жалею. Пора перестать».

— Тёма, — сказал он. — А что дальше?

— Дальше — причёска. Завтра в одиннадцать у Эдика.

— Это тот Эдик, который мудак?

— Тот самый, — кивнула Лисса. — Но стрижёт он божественно. Иди, не бойся.

— Я не боюсь.

— Ты боишься всего, — констатировал Тёма. — Но это нормально. Смелость — это не отсутствие страха. Это умение идти, когда страшно. Я вычитал в умной книжке.

— В какой?

— Не помню. Может, в «Алхимике». Или в Мах.

Они засмеялись, и Коля вдруг почувствовал, что смеётся вместе с ними. Не над собой. А просто так — оттого, что дождь, друзья, и кожа больше не горит.

А на другой стороне улицы, под козырьком магазина «Пятёрочка», стояла девушка в пуховике. Она смотрела на троих — на высокого яркого парня, на длинноногую девушку и на худого в сером свитере. Смотрела и улыбалась уголками губ.

— Интересно, — сказала она себе, — куда это они его тащат?

Она поправила лямку рюкзака и пошла дальше развозить суши. А Коля, конечно, не заметил. Потому что был занят тем, что учился не бояться.

Глава 4. Искусственный загар и морковная диета

Конец мая. Петербург, Василеостровский район, квартира Стекловых. Восемь часов утра, но солнца нет и не предвидится — вместо него за окном висит белесая пелена, похожая на простыню, которую забыли снять после стирки. Вторую неделю дожди идут через день, и город напоминает аквариум, где люди — рыбки, которые привыкли дышать влагой. На подоконнике у Коли стоит банка с проросшей морковью — бабушка сказала, что «полезно для глаз», но Коля подозревает, что она просто хочет превратить его комнату в огород.

— Ещё морковки, — сказала Варвара Сергеевна, ставя перед Колей тарелку с натёртой морковью, сбобренной сметаной.

— Бабуль, я уже третью порцию сегодня ем, — простонал Коля, разглядывая себя в зеркало телефона. Кожа после второго визита к Владу стала чище — прыщи отступили, оставив после себя только бледные розовые пятна, похожие на следы от ожогов. Но чистота не радовала. Коля был бледен. Не просто белокож, а бледен, как клавиши пианино, как простыня в больнице, как лицо человека, который не видел солнца последние три года.

— Ешь, — бабушка была непреклонна. — Витамин А для кожи. И вообще, вон ты какой бледный. Позорище. В моё время молодые люди загорали на пляжах, а не сидели перед этими вашими... транзисторами.

— Я не перед транзисторами, я с транзисторами.

— Одно и то же.

В дверь позвонили. Коля пошёл открывать, на ходу дожёвывая морковку. На пороге стоял Тёма — в солнечных очках (хотя солнца не было), с термкружкой и с огромным пакетом.

— Привет, брат. Готов к сегодняшнему испытанию?

— К какому? — насторожился Коля.

— Загар. Искусственный. Пошли в солярий.

У Коли отвисла челюсть. Морковка выпала изо рта и покатила по полу.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Лисса посоветовала. Говорит, загар скрывает мелкие несовершенства и придаёт уверенности. Плюс это быстро. Десять минут — и ты как с Мальдив.

— Тёма, я боюсь соляриев. Там рак кожи. Я читал.

— Ты везде читаешь, где написано, что умирать страшно. Десять минут, Коля. Минимальная доза. Давай, одевайся.

Коля с тоской посмотрел на бабушку, ища поддержки. Но Варвара Сергеевна, которая стояла в дверях кухни с полотенцем, неожиданно кивнула:

— Сходи, Николай. А то вид у тебя, как у привидения. И надень нормальные носки, а не эти с оленями.

— У меня только с оленями и чёрные.

— Надень чёрные.

Солярий назывался «Малибу» и находился в подвале фитнес-клуба «Олимп» на Среднем проспекте. Когда они спустились по лестнице, Коля почувствовал запах хлорки, пота и чего-то сладковато-химического — запах искусственного пляжа. В приёмной сидела администратор, девушка с идеальным загаром и татуировкой дракона на плече.

— На двоих? — спросила она, даже не поднимая головы от телефона.

— На одного, — Тёма подтолкнул Колю вперёд. — Ему. Самый слабый режим. Шесть минут.

— Шесть — детский режим, — фыркнула администратор. — Но как скажете. 350 рублей. Крем для загара есть свой?

— Нет, — пискнул Коля.

— Возьмите у нас. 500 рублей. Не хотите — загорите полосками.

Коля купил крем. И бахилы. И шапочку одноразовую, которая делала его похожим на пациента психбольницы. Когда он зашёл в кабинку, его охватила паника. Капсула была похожа на космический корабль — пластик, лампы, вентиляция. Он стоял в одних плавках (Тёма настоял, сказав, что «в трусах неправильно, будут белые полосы») и трясся.

— Начинаем! — донёсся из динамика голос администратора.

Лампы зажглись. Коля лёг на пластиковую поверхность, закрыл глаза и почувствовал тепло. Сначала приятное. Потом не очень. Потом ему показалось, что его жарят на сковороде, как котлету.

— Сколько прошло? — крикнул он.

— Две минуты, — ответил динамик.

— Две? Мне кажется, два часа.

— Потерпите.

Коля лежал и думал о смысле жизни. О том, зачем он это делает. Ради кого? Ради девушек, которые раньше не замечали его? Ради Тёмы, который пытается сделать из него свою копию? Ради себя? Себя он, честно говоря, не узнавал. За последние две недели он стал меньше сутулиться (Владик сказал, что правильная осанка улучшает лимфоток), почистил кожу, начал есть морковку. А внутри оставался всё тем же — Колей, который боится громких звуков и любит пясть по ночам.

— Время вышло! — голос администратора прозвучал как приговор.

Лампы погасли. Коля открыл глаза, сел и посмотрел на свою руку. Она была... розовой. Не загорелой, нет. Розовой, как варёная креветка.

Он быстро оделся и выбежал из кабинки. Тёма ждал в приёмной, листая ленту.

— Ну как? — спросил он, поднимая голову. И замер. — Коля... ты...

— Что?

— Ты оранжевый.

— Как оранжевый? Я же всего шесть минут!

— Иди посмотри.

Коля подошёл к зеркалу. Отражение смотрело на него чужими глазами. Лицо — морковно-оранжевое, с розовым отливом. Шея — такая же. Руки — тоже. И даже уши.

— Я похож на апельсин, — прошептал он.

— На китайского депутата, — поправил Тёма, сдерживая смех. — Или на хурму. Или на...

— Замолчи.

Администратор за стойкой приснула в кулак.

— Это с непривычки, — сказала она. — Через пару часов сойдёт. Немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.